

К АТРИБУЦИИ ДРАГОЦЕННОЙ САБЛИ ИЗ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ДВОРЦА ПЕТРА I

© 2022
УДК 623.444.2:739:069.7
ББК 79.18:85.125
Поступила в редакцию 21.01.2022

Среди сабель, поступивших в Оружейную палату из Санкт-Петербургской императорской Рюсткамеры есть небольшая группа, происходящая из Преображенского дворца Петра I и связанная с царской «казенной», находившейся в Кремле. На настоящий момент из этой группы в собрании Музеев Московского Кремля выявлено шестнадцать сабель. Семь из них были конфискованы из арсенала князей Долгоруких. Остальные, как мы предполагаем, оказались в Преображенском дворце в тот период, когда он служил резиденцией царя Петра Алексеевича, и входили в состав большой оружейной группы, принадлежавшей ему [Новосёлов, 2018. С. 262–281].

Одна из этих сабель стала предметом настоящего исследования. В музейном инвентаре она ранее была очень широко атрибутирована как изготовленная предположительно на Востоке в конце XVII в.¹ [ил. 1].

Клинок сабли выкован из булатной стали, среднего изгиба, однолезвийный, с широким плоским обухом, на боевом конце переходящим в слабо выраженную елмань, боевой конец обоюдоострый. Пята у клинка не выражена. С внешней стороны у пяты клинок по плоскости украшен золотой насечкой, имитирующей восточные клейма с надписями в рамке из стилизованных трав-двулистников. По краю пяты V-образно расположены три круглых гнезда-каста с маленькими рубинами [ил. 2]. С внутренней стороны клинка на пяте насечен золотом круглый картуш с имитацией арабской вязи, над которым точно так же расположены круглых три гнезда-каста с рубинами [ил. 3]. От пяты по обеим сторонам клинка вдоль обуха до острия выбран широкий, постепенно сужающийся по центру дол. У обуха возле окончания пяты и в месте перехода обуха в елмань на клинке вдоль

Ил. 1. Сабля с ножнами. Турция (эфес, ножны), Россия (клинок), середина – третья четверть XVII в. Булат, золото, нефрит, дерево, кожа; ковка, литье, насечка золотом, эмаль, резьба

fig. 1. Saber with scabbard. Turkey (hilt, scabbard), Russia (blade), middle – third quarter of the 17th century. Damask steel, gold, jade, wood, leather; forging, casting, gold incision, enamel, carving

Ил. 2. Эфес, насечка на пяте и касты с камнями с внешней стороны

fig. 2. Hilt, notch on the heel and castes with stones on the outside

Ил. 3. Эфес, насечка на пяте и касты с камнями с внутренней стороны

fig. 3. Hilt, a notch on the heel and castes with stones on the inside

1 Музеи Московского Кремля, инв. № ОР–4506/1–2.

Ил. 4. Насечка и каст с камнем на клинке у елмани с внешней стороны
fig. 4. Notch and caste with a stone on the blade at jälman from the outside

обуха на плоскости клинка вырезаны стилизованные растительные завитки, контуры которых почеркнуты насечкой золотом; на вершине завитка в точке перехода обуха в елмань по обеим сторонам вставлено по круглому золотому касту с рубином [ил. 4]. Длина клинка – 81 сантиметр, ширина клинка у пяты – 3,4 сантиметра, толщина обуха у основания клинка – 0,6 сантиметра, толщина обуха у елмани – 0,5 сантиметра.

Эфес состоит из рукояти и гарды. Рукоять образована двумя нефритовыми плащиками темно-зеленого цвета, соединенными между собой тремя заклепками. Между плащиками хвостовик клинка обложен золотой лентой, украшенной стилизованными растительными завитками и цветами по фону, заполненному черной эмалью. На нефрите у отверстий для заклепок углубления, вероятнее всего, для утраченных декоративных шляпок заклепок. Рукоять от основания постепенно сужается к навершию, которое загибается в сторону лезвия клинка и имеет завершение в форме заостренного углом выступа.

Гарда образована крестовиной с короткими прямыми концами. Крестовина золотая, литая, украшена растительным узором с цветами на фоне, заполненном черной эмалью. Центр перекрестья прорезной. Концы крестовины слегка расширяются у своих завершений, на торце ее переднего конца выбит миниатюрный

номер «32». У крестовины с внешней стороны утрачен нижний конец перекрестья, с внутренней – верхний.

Ножны деревянные, обшиты черной кожей. От прибора ножен сохранились одна верхняя обоймица с кольцом для подвески и наконечник. Обоймица и наконечник золотые, украшены золотыми травами и цветами на фоне, заполненном черной эмалью. Верхний передний край наконечника прорезной.

Выбитый на крестовине миниатюрный номер соответствует порядку записи сабли в Реестр оружия Преображенского дворца, составленный в сентябре 1733 г. В этом документе сабля была записана следующим образом: «сабля гриф яшмовой на грифе и на ножнах оправа серебряная с чернью в полосе с обеих сторон по три камушка»². В том, что в документе материал оправы был записан как серебро, нет ничего удивительного: описания для подобных документов часто составлялись при визуальном осмотре лицами, не обладавшими должной квалификацией для различения металлов: золото нередко путали то с позолоченным серебром, то с медью. Именно так и произошло при следующей фиксации этой сабли в описи, составленной уже в Санкт-Петербурге в 1737 г. после смерти хранителя императорского оружия, оружейного мастера Х. Иллинга, где сабля была записана среди привезенного из Москвы, то есть, в 1734 г. из Преображенского дворца. Здесь материал оправы был определен как медный, хотя из описания видно, что речь идет все о том же экземпляре: «Сабля крыж медной, резной вызолочен с чернью. Черен яшмовой зеленой, полоса насечена золотом, на ней семь камешков красных. Ножны обшиты кожей черною, на них четыре бляхи медные позолочены. На крыжу штучка отломлена, два кольца медные золочены»³.

При передаче в Оружейную палату предметов из императорской Рюсткамеры, в 1810 г. в передаточной описи его оправа была определена как все-таки золотая: «Сабля крыж золотой резной, с чернью. Черен яшмовой, зеленой, полоса насечена золотом, на ней – семь камушков красных, ножны обшиты кожей черной, на них четыре бляхи золотых с чернью, два кольца золотых же»⁴. После передачи в Оружейную палату за первую половину XIX в. сохранность сабли пострадала: были утрачены устье ножен и нижняя обоймица с кольцом,

- 2 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1464 (Дело об осмотре в разных местах всякого оружия. Началось сентября 12 дня 1733 г.) Л. 31.
- 3 ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф.1. Оп.1. Д 132 (Книги описные ружью Ея Императорского Величества, которые по смерти ружейного мастера Ягана Иллинга описывано при обер-ягере Беме при капитане Родионове и Измайловском полку при караульном при том ружье Капрале Евдокиме Щербинине 1737 года, а прежней тому ружью описи у одного мастера не было, и от куда какое ружье ему отдано и сколько всего было о том неизвестно). Л. 40 об. № 8.
- 4 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1258 (Реестр оружия, принятого в 1810 г. т. с. Алексеем Николаевичем Олениным от д. т. с. Литке). Л. 142 № 45.

а также были отломлены уже два конца перекрестья, что и зафиксировал Л.П. Яковлев при составлении новой музейной описи холодного оружия⁵.

Первая атрибуция была дана сабле при составлении описи Рюсткамеры: она была записана в раздел «Турецкие сабли». Л. П. Яковлев записал саблю как русскую XVIII в. с турецким булатным клинком. Критерии такой атрибуции мы можем только предполагать. При всей титанической работе с историческим архивом Оружейной палаты, составитель каталога холодного оружия Л.П. Яковлев сам не был его знатоком. Многие его атрибуции опирались либо на исторические документы, либо на аналогии, притом с другими предметами все той же Оружейной палаты. Поэтому достаточно часто они оказывались ошибочными. Вероятнее всего, на атрибуцию клинка как турецкого повлиял целый ряд обстоятельств: его запись в разряде турецких в описи Рюсткамеры, морфология клинка, весьма близкая к клинкам турецких сабель XVII в., а также то, что он украшен золотой насечкой и кастами с рубинами – такую манеру украшения клинков мы видим на нескольких саблях турецкой работы из собрания Оружейной палаты. Очевидно, Яковлеву не бросилась в глаза заметная разница в оформлении кастов, их форме и технике закрепки камней, а также не характерная для турецких мастеров XVII–XVIII вв. техника насечки золотом, хотя он все-таки обратил внимание на несоответствие заполнения картушей восточными надписями: «на пяте с одной стороны видно подобие арабских слов; на другой стороне полосы, на пяте же, насечено золотом круглое клеймо, имеющее тоже вид восточной надписи»⁶.

Еще сложнее понять, почему Яковлев определил как русскую оправу эфеса сабли и ножен. Скорее всего, он не нашел им аналогов среди известных ему восточных образцов холодного оружия. Исходя из высокого качества ювелирной работы, тонкости и сложности узора, он отнес их к работе русских ювелиров XVIII в., поскольку слишком разительным был контраст между украшением клинка и тонкой работой мастера, изготовившего обкладку рукояти с крестовиной и оправу ножен. Видимо, именно из-за этого Яковлев предположил, что клинок и оправка сабли изготовлены в разных центрах.

В собрании Оружейной палаты есть несколько турецких сабель с клинками, украшенными кастами с камнями. Все они по своему оформлению резко отличаются от того, как исполнены касты на нашем клинке: они заглублены и состоят из нескольких широких лапок, крайне неровно подогнутых, обжимающих камень. Мастер как бы нащупывал технику надежной фиксации кастов в стали клинка, следуя образцу. Это же относится и к золотой насечке на клинке, крайне

неровно положенной и совершенно не соответствующей узорам из растительных завитков и надписей на восточном оружии. Создается ощущение, что у мастера либо не было образца перед глазами, либо он не обладал нужной квалификацией для копирования сложной орнаментики в технике насечки по стали.

Совершенно противоположную картину мы наблюдаем в оформлении прибора эфеса и ножен. Рукоять сделана из очень престижного и дорогого материала – нефрита. Нефритовые рукояти в России не изготавливались, их привозили в готовом виде – или уже смонтированными на оружие, или в виде отдельных деталей, с Востока, через Турцию или Иран.

На крестовине и наконечнике мы видим очень сложный орнамент из изящных, четко прорисованных цветов, соединенных сплетением трав. Мы предполагаем, что стоимость этой оправы и тонкость ее работы классом намного превосходят стоимость и уровень исполнения украшения клинка. Исходя из этого несоответствия можно заключить, что, скорее всего, у этой сабли в процессе бытования был заменен клинок, при этом заказчику было нужно, чтобы новый клинок был украшен в именно турецкой манере, как и предыдущий.

На немногих дошедших до нас русских саблях и других предметах русского вооружения и боевого снаряжения XVII в. мы нигде не встречаем подобного оформления золотой оправы с флоральным орнаментом на фоне, покрытом черной эмалью. Нет аналогов подобной работе черной эмалью по золоту и такому построению орнаментальной композиции на оружии восточной работы, бутоны цветов и поросли трав с листьями отличаются от привычных для турецкой орнаментики мотивов. Кроме того, для турецких изделий из золота и серебра характерно использование черни, а не эмали. При этом форма деталей ножен (крестовины, обоймицы, наконечника) вполне характерны для турецких сабель XVII в. На наш взгляд, и в орнаменте, и в технике его исполнения (фон, заполненный черной эмалью по золоту) прослеживается европейское влияние⁷. В Константинополе XVII в. работали европейские часовые мастера, ювелиры, работавшие в привычных им техниках и орнаментальных системах, но во многом уже ориентировавшиеся на вкус местных заказчиков [Patek Philippe Museum, 2012]. Подобное влияние европейских мастеров на декор турецкого драгоценного оружия будет прослеживаться и в более поздний период, в XVIII в. [Левыкин, Новоселов, 2021. С. 117–149]. Ювелирная работа на золотых деталях эфеса и ножен очень тонкая и значительно отличается от привычного для русских и турецких мастеров оформления деталей оружия, это высокое художественное

5 Описание Московской Оружейной палаты. М. 1885. Ч. 4, кн. 3. С. 203, № 5956.

6 Там же.

7

Автор приносит благодарность ведущему научному сотруднику Музеев Московского Кремля Е.В. Щербине, обратившей внимание на работы европейских ювелиров, работавших в Турции в XVII в. и на схожесть их эмалей с декором прибора эфеса и ножен сабли.

и техническое оформление прибора сабли объясняет почему им так дорожили, что ради сохранения монтировки эфеса и ножен пошли на замену сломанного клинка при полном сохранении всех деталей оправы.

На наш взгляд, оправа сабли была изготовлена в Турции, возможно, европейским мастером-ювелиром. Булатный клинок был смонтирован на эфес сабли, возможно, взамен сломанного аутентичного турецкого украшенного клинка. Нельзя исключить то, что новый клинок тоже был турецкого производства, но дополнительно был украшен золотой насечкой и врезанными в сталь золотыми кастами с рубинами, уже не в Турции, а в регионе бытования этого оружия – в России. По рисунку стали мы бы отнесли булат этого клинка к сорту «шам» – булат не самого высокого качества кузнечной обработки, характерный для работы турецких оружейников.

При проведении реставрационных работ эфес был демонтирован с сабельной полосы. При демонтаже выяснилось, что полоса имеет широкий плоский короткий хвостовик в форме вытянутой сужающейся к концу хвостовика трапеции. Длина хвостовика всего 5,5 сантиметра, на хвостовике по центру ближе к концу просверлены два сквозных круглых отверстия на расстоянии около 3 миллиметров друг от друга. Обычно на хвостовике до закалки полосы делалось одно отверстие, далее хвостовик закрепляли в рукояти либо при помощи клеевой массы с использованием под заклепку этого отверстия, либо на конец хвостовика наваривалась железная пластинка с отверстием (отверстиями) под заклепки. В данном случае наличие второго отверстия, просверленного на столь небольшом расстоянии от отверстия, имевшегося на хвостовике при изготовлении, говорит о том, что эту полосу подбирали под конкретную, уже имеющуюся рукоять, и новое отверстие на хвостовике было проделано, чтобы оно совпало с отверстиями под крепеж на рукояти.

Таким образом, на наш взгляд, у сабли, изготовленной в Турции, в период ее бытования на территории России был заменен клинок, что, вероятнее всего, связано с его поломкой. Для его замены была использована сабельная полоса, украшенная золотой насечкой и кастами с камнями по турецкому образцу. Время создания сабли и клинка мы отнесли бы к середине – третьей четверти XVII в., когда встречаются турецкие сабли и палаши с нефритовыми рукоятями подобной формы – например, сабля, поднесенная царю Алексею Михайловичу в 1668 г.⁸

Следующим шагом в изучении этого памятника стало обращение к архивным документам. Поскольку сабля оказалась в Преображенском дворце, мы попытались найти сведения о ее перемещении туда в 1680–1690-е гг.

в источниках, связанных с пребыванием в Преображенском селе царя Петра Алексеевича опубликованных Г.В. Есиповым [Есипов, 1872]⁹. Однако в них сабли с подобным описанием не обнаружилось. Информацию о ней удалось обнаружить в другом источнике конца XVII в. Речь идет об описи оружия, конфискованного в сентябре 1689 г. у фаворита свергнутой царевны Софьи, князя Василия Васильевича Голицына. В ней среди сабель под номером 5 записано: «сабля полоса булатная дол с обе стороны шириной. На полосе от крыжа на правой стороне в мишени слова арапские и около той мишени путики с отметцы врезавано вглубь золотом. Подле отметцов с обе стороны в гнездах по три искорки яхонтовых. Подле тыля до елмана с отметцы врезывано золотом. На левой стороне от крыжа мишень. Черен пласчатой яшмовой зеленой, в нем с обе стороны в закрепах четыре искорки яхонтовые, да два места порожних. Меж плашек по тылю и под тылем покрыто золотом с чернью. Крыж золотой с чернью, ножны покрыты гзом черным. Оправа на ножнах устье, два бречара, наконечник золотые с чернью. Пояс тесьма золотная с чернью подложена атласом. Оправа на поясу золотая одиннадцать мест. Цена полосе пять рублей, оправе восемьдесят пять рублей»¹⁰.

Описание сабли, конфискованной у князя В.В. Голицына, абсолютно точно в деталях совпадает с основными признаками исследуемой сабли, за исключением двух элементов: отсутствуют четыре декоративные шляпки с рубинами, закрывающие места заклепок, а также пояс. Но пояс мог быть отсоединен и использован для подвеса другого оружия, а декоративные вставки на эфесе могли быть полностью утрачены в период бытования оружия: на момент составления описи из шести заклепок были утрачены уже две. На нефритовых щечках рукояти видны углубления вокруг отверстий, предназначавшиеся для крепления имевшихся декоративных заклепок. Количество камней в кастах на клинке указано только на пяте, что связано с тем, что ко времени составления записи камни, вставленные в касты у елмани, могли уже выпасть и быть утраченными. В настоящий момент на клинке сохранились только пять рубиновых искорок в кастах на обеих сторонах клинка у пяты. Поскольку камешки совсем небольшого размера и низкого качества, даже в учетных документах XX в. зафиксировано разное число сохранившихся вставок: четыре или пять.

Князь Василий Васильевич Голицын, лишенный своего боярского чина, 9 сентября 1689 г. вместе со всей своей семьей отправился в ссылку. Все его имения были конфискованы. Все движимое имущество ссыльного князя было

8 Музеи Московского Кремля, инв. № ОР–201/1–2.

9 Есипов Г.Е. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М. 1872. Т. 1, 2.

10 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 938 (Книга приходная, что по памятям из приказов розыскных дел принята в Оружейную палату 198 года. Описное имение князей Голицыных). Л. 22–22 об., № 5.

отписано в казну. Эта ссылка явилась следствием государственного переворота, положившего конец регентству царевны Софьи и вернувшего всю полноту государственной власти юным царям – Ивану и Петру Алексеевичу. В.В. Голицын был любимцем, фаворитом царевны Софьи, его падение было неминуемым при приходе к власти Петра, с детства помнившего настоящую цену борьбы за власть. Как и другие ценности, княжеский арсенал был переписан, оценен и принят в Оружейную палату. Впоследствии, после смерти В.В. Голицына в 1714 г., Петр I амнистировал его семью. Часть сохранившегося к тому времени в казне имущества ссыльного князя была возвращена его детям. Однако ряд предметов – столовая утварь, оружие – все-таки сохранился в собрании Оружейной палаты. Часть из них была выявлена и зафиксирована в музейной описи, опубликованной в 1880-е гг., но некоторые удастся выявить в настоящее время.

Оружейная казна князя В.В. Голицына отличалась богатством и разнообразием. Приемная опись зафиксировала шесть булав, один буздыган, один меч, семнадцать сабель и восемь сабельных полос, большинство из которых были булатными; пять палашей и одну палашную полосу, шесть кончаров, пять сулеб и одну полосу сулебную, одну шпагу, девять обушков, пять топоришков, четыре чекана, девяносто бердышей, один кинжал, один джид, шестнадцать луков, пять протазанов, восемь шлемов, девятнадцать мисюрок, четыре зеркальных доспеха, один кукяк, три бахтерца, четыре кольчуги, шестьдесят семь панцирей, два щита, тридцать пар наручей, тридцать пять пищалей, пять венгерок, четырнадцать фузей, три дробовика, три мушкетона, двадцать три карабина, один мушкет и сорок два пистолета. До настоящего времени в собрании Оружейной палаты кроме одного щита, двух шлемов и мисюрки, из холодного оружия был выявлен только один джид, одна булава и один буздыган¹¹. Но до сих пор не было известно ни одного образца холодного клинкового оружия из голицынского арсенала, кроме одного меча, о котором речь пойдет далее. Стоит отметить, что некоторая часть доспехов и оружия Голицына покинули собрание Оружейной палаты еще в начале XVIII в. Описания ряда предметов имеют более поздние дописки, сделанные другими чернилами трудночитаемой скорописью. В них содержатся сведения о передаче этих предметов другим лицам и в другие придворные ведомства¹². Наиболее драгоценные предметы, в том числе богато украшенные сабли и сабельные

клинки, использовались в качестве царских даров. Одни были пожалованы в 1708 г. «Войска Запорожского новоизбранному гетману»¹³, другие посланы с дипломатическими дарами китайскому богдыхану¹⁴.

Ниже описания этой сабли так же есть помета скорописью: «Вынуть и послать в Казну с купцом Петром Гуямневым... а деньги надлежит за оную взять по выходе его Петра из костимских (???)... кров. И писал Матвей Гагарин»¹⁵. Те пометы в описи, где в тексте присутствуют даты, относятся к 1708–1710 гг., вероятно, примерно в это же время сабля была отослана в казну. И, очевидно, уже из казны в 1700–1710-е гг. она каким-то образом попала в Преображенский дворец. Стоит отметить, что из всего холодного клинкового оружия, конфискованного у В.В. Голицына, только эта сабля была отобрана для царской казны.

На наш взгляд, причиной отсылки сабли в казну может быть тот факт, что ранее она попала к самому В.В. Голицыну из царских имуществ. Упомянутый ранее двуручный меч оказался в княжеском арсенале именно таким образом. Двуручный меч, изготовленный в Германии, предположительно в Золингене с клеймом мастера Арнольда Бернса на волнистом клинке, входил в группу из двенадцати одинаковых мечей (шесть с прямыми клинками и шесть с волнистыми), поднесенных в дар царю Алексею Михайловичу голландским торговцем Иваном Фансведеном [Орленко, 2014. С. 59–63]. А в Переписной книге 1687 г. их уже одиннадцать: не хватает одного меча с волнистым клинком. Очевидно, именно этот меч не позднее 1682 г. (поскольку мечей стало одиннадцать еще до составления переписи царской оружейной казны в 1682 г.) оказался в арсенале В.В. Голицына [Орленко, 2014. С. 64], что может быть связано с участием князя в придворных церемониалах, где ему требовался этот меч. Однако после конфискации арсенала Голицына этот меч не был присоединен к остальным и в более поздних описях XVIII в. по-прежнему фигурировали только одиннадцать подобных мечей.

В отношении сабли мы можем предположить, почему именно она была отправлена в казну. В документах более раннего периода нам лишь единожды встретилось упоминание сабли со схожим описанием, правда, слишком кратким, чтобы на его основании можно было бы говорить о полной идентификации предмета. В описи оружия, составленной в 1668 г. после смерти тестя царя Алексея Михайловича, боярина Ильи Даниловича Милославского, мы встречаем саблю со следующим описанием: «Сабля булатная ножны хоз черной черен яшмовой

11 Музеи Московского Кремля, инв. № ОР–16 (мисюрка); ОР–4663 (шишак); ОР–2052 (шлем); ОР–1309 (щит); ОР–3791 – булава; ОР–4448/1–4 (джид). В настоящее время большая работа по идентификации огнестрельного и холодного древкового оружия, принадлежавшего В.В. Голицыну, проводится научным сотрудником Музеев Московского Кремля А.Н. Чубинским.

12 Автор приносит глубокую благодарность научному сотруднику РГАДА, кандидату исторических наук О.А. Курбатову, оказавшему неоценимую помощь в прочтении этих надписей.

13 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 938 (Книга приходная, что по памятам из приказов розыскных дел принято в Оружейную палату 198 года. Описное имение князей Голицыных). Л. 19/1, № 1.

14 Там же. Л. 20, 21, № 1, 2.

15 Там же. Л. 22 об., № 5.

крыж и оправа золотая с чернью в черену искорки яхонтовые, цена 50 рублей, подана в хоромы»¹⁶. К сожалению, все описания в этой описи весьма краткие, у всего холодного оружия не описаны клинки. Для нас важно то, что в отличие от большинства оружия этой описи эта сабля не была продана или отдана кому-либо из придворных чинов, а была взята государем в хоромы, что кроме нее было сделано только в отношении одной винтовки с колесцовым замком и двух редких пищалей – семи- и девятизарядной¹⁷.

Таким образом, не исключено, что сабля, принадлежавшая ранее боярину И.Д. Милославскому, как и меч, была получена В.В. Голицыным из царской казны в период правления царевны Софьи. В 1689 г. она хранилась в Оружейной палате, откуда в 1700–1710-е гг. вновь поступила в казну. Не исключено, что в какой-то момент она была опознана как казенная и направлена по месту своего предыдущего хранения, после чего оказалась в Преображенском дворце Петра I. Скорее всего, она продолжала активно использоваться, поскольку Реестр 1733 г. и Опись 1737 г. фиксируют повреждения оправы, которых не было ранее: были полностью утрачены все фигурные заклепки с камнями на рукояти. Возможно, более пристальное изучение документации, связанной с царской казной в первой четверти XVIII в. позволят уточнить время и обстоятельства поступления сабли в эту царскую резиденцию.

ЛИТЕРАТУРА

Новосёлов В.Р. «Коллекция оружия императора Петра I»: между правдой и вымыслом // Материалы исследования / Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». М., 2018. Вып. 28. С. 262–281.

Есипов Г.Е. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 1, 2.

Опись Московской Оружейной палаты. М., 1885. Ч. 4, кн. 3.

Орленко С.П. Мечи и протазаны. К вопросу о церемониальных новациях русского двора середины XVII в. // Материалы и исследования / Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». М., 2014. Вып. 22. С. 59–63.

Alexander D.G. Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art. New York, 2015.

Левыкин А.К., Новосёлов В.Р. Кинжал сераскира Агмета Урфе-Валесы – реликвия русской военной славы // Историческое оружиеведение. 2021. № 10. С. 117–149.

Patek Philippe Museum (A Guide). Genf, 2012.

16 Ф. 396. Оп. 2 Д. 594 (Опись имущества боярина Ильи Даниловича Милославского). Л. 31.

17 Там же. Л. 33 об., 34 об.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

К атрибуции драгоценной сабли из Преображенского дворца Петра I

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Новосёлов Василий Рудольфович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, хранитель коллекции холодного оружия, Музеи Московского Кремля, Кремль, Москва, Российская Федерация, 103132. novo-vasilij@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросу атрибуции сабли, принадлежавшей князю Василию Васильевичу Голицыну. Сабля была конфискована в 1689 г., после чего оказалась в арсенале дворца Петра I в селе Преображенском. Сабля представляет интерес эфесом с нефритовой рукоятью и золотой оправой, украшенной эмалью, а также клинком русской работы с имитацией турецкой золотой насечки и инкрустацией кастами с камнями. Вероятно, до В.В. Голицына эта сабля принадлежала боярину И.Д. Милославскому, после смерти которого она была принесена в царский дворец.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Сабля, арсенал, князь В.В. Голицын, боярин И.Д. Милославский, Петр I, Преображенский дворец

TITLE

Attribution of the precious saber from the Preobrazhenskij Palace of Peter I

AUTHOR

Novoselov Vasilij Rudol'fovich – Ph. D., leading researcher, Moscow Kremlin Museums, Kremlin, 103132 Moscow, Russian Federation. novo-vasilij@yandex.ru

ABSTRACT

The article raises the question of attribution of a saber that belonged to Prince Vasily Vasilyevich Golitsyn. The saber was confiscated from him in 1689, after which it ended up in the arsenal kept in the palace of Peter I in the village of Preobrazhenskoye. The saber is interesting with a hilt with a jade handle and a gold frame, decorated with enamel, as well as a blade of Russian work with imitation of Turkish gold notching and inlaid with castes with stones. Perhaps before V.V. Golitsyn, this saber belonged to the boyar I.D. Miloslavsky, after whose death she was brought to the tsar's palace.

KEYWORDS

Saber, arsenal, prince V.V. Golitsyn, boyar I.D. Miloslavsky, Peter I, Preobrazhenskij Palace.

REFERENCES

Novoselov V.R. «Kollekcija oruzhija imperatora Petra I»: mezhdru pravdoj i vymyslom (*Peter the Great's collection of arms: between fact and fiction.*). *Materialy i issledovaniia. Oruzheinoe sobranie Muzeev Moskovskogo Kremli. Pamiatniki, istoriia, problemy izucheniia (Proceedings and Studies. Collection of Arms of the Moscow Kremlin Museums. Artifacts, history, problematics).* Moscow, Ligr Publ., 2018, no. 28, pp. 262–281 (in Russian).

Esipov G.E. Sbornik vypisok iz arhivnyh bumag o Petre Velikom. T. 1–2. M. 1872 (in Russian).

Opis' Moskovskoj Oruzheinoj palaty. CHast' IV. Kniga 3. Holodnoe oruzhie. (Inventory of the Moscow Armoury Chamber. Part 4. Book 3. Melee weapons) M. 1885 (in Russian).

Orlenko S.P. Mechi i protazany. K voprosu o ceremonial'nyh novaciyah russkogo dvora serediny XVII v. (Swords and partisans. To the Question of new Ceremonies of the Russian Court in the 17th century). *Materialy i issledovaniya. Federal'noe gosudarstvennoe bjudzhetnoe uchrezhdenie kul'tury «Gosudarstvennyj istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik "Moskovskij Kreml'"»* 22 (*Proceedings and Studies of Moscow Kremlin State Museums. Issue 22*). M. 2014. Pp. 59–63 (in Russian).

Alexander D.G. Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art. New York. 2015.

Levykin A.K., Novoselov V.R. Kinzhal seraskira Agmeta Urfe-Valesy – relikvija russkoj voennoj slavy (The Dagger of the Serasker Agmet Urfe-Valesa, a Relic of Russian Military Glory). *Istoricheskoe oruzhievedenie* (Weapons History Journal). 2021. No 10. Pp. 117–149 (in Russian).

Patek Philippe Museum (A Guide). Genf, 2012 (in English).